

УДК 271.22(470+571)-675-9:271.22(564.3)

Никодим Олегович Пашков*канд. ист. наук, ст. преподаватель каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Nikodim Pashkov***Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of International Relations
at the Belarusian State University
e-mail: nikodimkrysko@mail.ru***РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КИПРСКАЯ АРХИЕПИСКОПИЯ
В ЭКУМЕНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1950-х – 1960-х гг.**

Статья посвящена проблеме участия Русской православной церкви в международном экуменическом движении середины XX в. Русская православная церковь активно включилась в экуменические процессы в рамках мирового межрелигиозного диалога и таким образом оказывала существенную поддержку официальной коммунистической власти СССР. Целью советского правительства в этом диалоге была пропаганда в мире положительного имиджа социализма. Советский Союз стремился показать отсутствие на его территории притеснения религиозных институтов и активно использовал в этой политике Православную церковь. Особенности экуменической политики Русской православной церкви исследуются на примере ее отношений с Православной церковью острова Кипр.

Ключевые слова: экуменизм, церковь, государство, политика, мир, культура, религия, власть, дипломатия, партия.

**The Russian Orthodox Church and the Cypriot Archdiocese
in the Ecumenical Movement of the 1950s–1960s**

The article is devoted to the problem of the participation of the Russian Orthodox Church in the international ecumenical movement in the middle of the 20th century. The Russian Church is actively involved in ecumenical processes in the framework of world inter-religious dialogue and thus provides substantial support to the official communist authorities of the USSR. The objectives of the Soviet government in this dialogue were to promote the positive image of socialism in the world. The Soviet Union sought to show that there was no oppression of religious institutions on its territory and actively used the Orthodox Church in this policy. The peculiarities of the ecumenical policy of the Russian Church are explored by the example of its relations with the Orthodox Church of the island of Cyprus.

Key words: ecumenism, church, state, politics, peace, culture, religion, power, diplomacy, party.

В настоящее время контекст внешней политики Русской православной церкви (РПЦ) во многом определяет проблематика, связанная с формированием положительного образа России в мире, без которого невозможно послание миру, о котором говорит, в частности, Дж. Кьеца: «Россия пока продолжает действовать по-старому – защищая только себя. Как, кстати, она и воспринимается до сих пор в общественном мнении на Западе. Никогда за последние годы я не слышал масштабных идей от России об устройстве мира. Я приведу пример: американская империя была создана потому, что американцы смогли послать миру месседж: все, что в их интересах, отвечает интересам всего мира» [2]. При этом на международный имидж Российской Федерации до последнего времени «играла» РПЦ, деятельность которой как в России,

так и за ее пределами исторически помогала создавать положительный образ стран пребывания церкви [5]. В наши дни «витриной» Русской церкви и православия является Русская православная церковь за границей (РПЦЗ). И, необходимо отметить, она успешно справляется с данной ролью.

Со второй половины XX в. в международной деятельности РПЦ стали отчетливо видны новые векторы:

1) борьба за мир [12];

2) популяризация христианского взгляда на права человека, не вступающие в противоречие с ключевыми положениями церковного вероучения;

3) укрепление отношений с другими религиозными конфессиями.

При этом важным вызовом современного мира является запрос на открытость обществ и сообществ, в первую очередь

религиозных. С другой стороны, в этих условиях церковь рискует утратить свой «ключ идентификации» в современном мире. Соблюдение баланса открытости и традиций — важная задача миссии РПЦ в современном мире, и особенно в системе международных отношений. Кроме того, относительно направлений международной деятельности РПЦ необходимо отметить, что образ «инноваций», и в частности «экуменического вектора», сформирован самим фактом развития информационного общества. Иначе говоря, те направления международной политики церкви, которые оставались вне внимания социума 20–30 лет назад, сегодня становятся достоянием широкой общественности. Церковь в наши дни, как и десятилетие, и полвека назад, стремится участвовать в государственной политике, как внутренней, так и внешней, если находит ее направления согласующимися со своим наследием.

По нашему мнению, успешная рецепция государствами православного культурного наследия тысячелетней традиции Церкви не только способствует достижению общественного консенсуса внутри них, но и формирует положительный образ этих стран в глобальном пространстве. И, что следует особо подчеркнуть, данная рецепция косвенным образом не прекращалась даже в годы господства в СССР коммунистического режима.

В долгой истории человечества друг с другом соперничают два концепта — глобальный и региональный. Соответственно, и отдельные государства мира на определенных этапах своего развития придерживались или плана условной «автономизации», или, наоборот, политики активного завоевания международных позиций.

Для Советского Союза после эпохи относительно автономного существования в 30-х — начала 50-х гг. XX в. с середины 1950-х начинается новый «глобальный» этап. 1960–70-е гг. стали пиком политического и экономического могущества СССР. По нашему мнению, его маркерами стали:

- 1) стремительное экономическое развитие (второе место в мире после США);
- 2) наращивание ядерного потенциала;
- 3) разработка сырьевых месторождений востока страны и создание системы газо- и нефтепроводов в Европу;

4) укрепление политических связей с государствами Организации Варшавского договора;

5) сильные позиции в период кубинского кризиса;

6) арабо-израильские конфликты и приход к власти просоветских режимов (Сирия и Египет);

7) Вьетнамская война, подорвавшая международный авторитет США;

8) распад колониальных империй (прежде всего крупнейшей — Британской);

9) общее экономическое ослабление «большого Запада» (снижение доли в мировой экономике США, Великобритании и Франции);

10) укрепление международных связей СССР с рядом развивающихся государств.

Последний из перечисленных выше пунктов был тесно связан с остальными. «Открытие» мира, происходившее особенно активно в 1960-е гг. через увеличение числа государств, ранее зависимых и колониальных и активно выходивших на международную арену, открывало перед странами, стремившимися укрепить свои позиции в мире, широкие перспективы. И СССР не мог оставаться в стороне от этих процессов. При этом образ «сталинской России», тоталитарной, милитаристской, агрессивной (как, например, в советско-финской войне или бескомпромиссном вмешательстве в корейский конфликт), неоимперской, стремящейся навязать свою волю иным странам, не способствовал укреплению положительного образа СССР в мире.

Перед советской дипломатией встала задача по формированию иного имиджа главной страны победившего социализма — демократического, толерантного, свободного, готового к сотрудничеству и миролюбивого. В пользу такого варианта «прочтения» образа СССР в мире играл сам факт существования социализма — социального равенства и мира внутри страны, в то время мало достижимых для государств Запада. Однако здесь существовали определенные проблемы.

Государства Латинской Америки, Африки, Азии в отличие от стран Европы и Северной Америки вовсе не были постхристианскими (по выражению А. Дж. Тойнби) или пострелигиозными. Наоборот, в их со-

циальной и политической практике социалистические идеи причудливым образом переплетались с религиозными [6], лишь отчасти воспринимая советские традиции такого рода [13]. А известные всему миру факты притеснения религиозных конфессий в СССР диссонировали с усилиями советской дипломатии по продвижению «советского образа жизни» в глобальном контексте.

Разумеется, никаких дальнейших (после 1943 г.) позитивных для церкви поворотов в советской религиозной политике внутри страны не намечалось. Однако это несколько не отменяло необходимости задействования РПЦ в международной дипломатии советской страны. И Русская православная церковь, притесняемая внутри СССР, тем не менее с готовностью восприняла новый вызов и включилась в формирование положительного имиджа Советского Союза. Таким вызовом для церкви стал экуменизм, который мы в настоящей работе понимаем расширенно как диалог между различными конфессиями с целью их гипотетического объединения в отдаленном будущем.

Особенностями «включения» ресурсов РПЦ в советскую дипломатическую повестку, на наш взгляд, стали следующие.

1. Исторически сложилось, что православные конфессии были «продолжением» государства применительно к системе международных отношений [1]. Фактический статус церкви внутри СССР напоминал положение крупной общественной организации. Однако контроль за ее деятельностью со стороны партийных и государственных органов и «включенность» Русской православной церкви в систему государственных задач превращал ее в некое подобие «религиозного министерства», что не могло не накладывать свой отпечаток на векторы ее международной деятельности.

2. В условиях относительно слабых позиций СССР на международной арене (по сравнению с главным геополитическим конкурентом – США), фактического отсутствия союзников за пределами социалистического лагеря и привлекательного для всех стран мира исторического «проекта», а также в свете попыток укрепить ее международное положение церковь аккумулировала традиционные «черты» образа России, сложившегося за рубежом, и предлагала этот «продукт» мировому сообществу. В конеч-

ном итоге РПЦ символизировала в глазах прежде всего западного общества «глубинную» Россию.

3. «Границы» РПЦ были в ряде случаев шире границ СССР, потому мы не можем рассматривать ее лишь как государственный институт (как это часто делают многие религиоведы и историки). Именно наличие иностранных епархий позволяло церкви внутри Советского государства иметь несколько больший уровень самостоятельности, чем это хотелось бы официальной власти.

Если говорить о собственно экуменической политике РПЦ в рамках международного религиозного диалога, то само наличие таковой могло служить (как это потом и оказалось в Беларуси и Российской Федерации в условиях религиозной свободы) фактором, дезинтегрирующим христианский социум. В данном отношении институциональная слабость РПЦ внутри СССР сыграла свою положительную роль в замалчивании участия русского православия в экуменических контактах для советской религиозной аудитории.

Среди христианских конфессий наибольшие успехи в области экуменического движения традиционно имели католики и протестанты. В православном мире, пожалуй, первой церковью, активно участвовавшей в экуменическом движении, стал Константинопольский патриархат. Позже его примеру последовали и иные греческие церкви: восточные патриархаты, Элладская и Кипрская архиепископии. Однако роль Фанара в исследуемом отношении до настоящего времени является ведущей в силу как его сложного положения в начале активных экуменических процессов в середине XX в., так и тесных контактов с западным православием и западными политическими и религиозными институтами.

За относительно короткое время стало очевидно, что экуменизм является долговременным идеологическим трендом в мировом межконфессиональном взаимодействии, а участие в экуменическом движении становится не только способом укрепления в мире позиций религиозных институтов, но и формой борьбы государств за свой положительный образ в глобальном мире. В результате РПЦ с санкции партийных и государственных органов Советского Сою-

за активно включается в экуменическое движение, тем более что данному процессу способствовала известная мультиэтничность и поликонфессиональность Советского государства.

В контексте внутренней политики «советское православие» было едва ли не самой «экуменической» конфессией мира по причине ее исторического взаимодействия с армянской церковью, украинским и белорусским униатством, а также католиками, старообрядцами, буддистами, протестантами Прибалтики, мусульманами, язычниками Крайнего Севера и иными, в т. ч. и исчезнувшими религиозными группами [7]. При этом стоит подчеркнуть, что миссия РПЦ на исторических территориях данных конфессий была ограничена целями государственной политики (поддержание религиозного мира). Русская церковь в отличие, например, от Элладской или Кипрской не могла позволить себе конфессионального партикуляризма, не говоря уже о национальном, традиционном для этих церквей начиная с эпохи Средневековья, когда произошел переход универсальной доктрины в эллинистическую [4], которая в данном контексте может пониматься как национальная греческая.

Как и в международной «светской» политике, в которой СССР поддерживал государства Варшавского договора и ряд коммунистических стран, не входивших в ОВД (Монголия, Куба, Вьетнам), в межрелигиозных отношениях союзниками РПЦ, поддерживавшими государственные интересы СССР, были Польская, Болгарская, Чехословацкая (церковь Чешских земель и Словакии), Сербская, отчасти Румынская православные церкви.

Однако, как и Советский Союз, «советская церковь» остро нуждалась в союзниках из капиталистического мира, желательны столь же лояльных к РПЦ, как Финляндия, Египет и Сирия были лояльны к СССР. Таким «троянским конем» русского православия должен был стать церковный Кипр, отношения с которым укреплялись с начала 1950-х гг., т. е. задолго до обретения островом политической независимости.

Необходимо отметить, что Кипрская архиепископия, так же как и Константинопольский патриархат, начинает активно участвовать в международном экуменическом движении, естественным образом кон-

курируя с Фанаром не только за паству – выходцев из «греческого мира», переехавших на Запад (а это, собственно, Греция и Кипр, а также турецкие территории, где в результате геноцида пострадало греческое население западной (Измир), европейской (Стамбул), северо-восточной (Трапезунд) Турции и иных территорий) [14], но и за финансовые ресурсы.

И если у Фанара в этой конкуренции уже были союзники в православном мире (восточные патриархи, традиционно зависевшие от Константинополя), то Кипр таковых оказался лишен. Единственный потенциальный союзник островной церкви (или, как ее часто называли, Новой Юстинианы) – Элладская архиепископия сама была не прочь занять место Кипра в православных диптихах, интегрировав тем или иным образом островную церковь и проложив дорогу к интеграции самого острова в состав Греческой республики. Иначе говоря, задачи сохранения кипрского суверенитета существенным образом ограничивали возможности кипрско-элладского церковного союза. И здесь на помощь Новой Юстиниане в ее конкуренции с Новым Римом пришел некогда «третий Рим» – коммунистическая Москва.

Общий экуменический контекст шагов Москвы на кипрском дипломатическом направлении, несмотря на определенную историю дружественных связей, отличался определенной осторожностью. Включению РПЦ в экуменическую повестку предшествовала «народная дипломатия» и традиционная в то время в Советском Союзе «борьба с империализмом». Контакты с Кипрской архиепископией завязывают советские неправительственные (официально) организации, стремясь подчеркнуть свое благорасположение и солидарность в отношении кипрских «церковников» в рамках общей и для Кипра, и для СССР антиколониальной повестки [13]. Разумеется, открытые контакты религиозных структур Кипра и КПСС привели бы субъектов такого взаимодействия к существенным имиджевым потерям. Поэтому «народная дипломатия» предварила более широкую повестку, каковой, по нашему мнению, являлась экуменическая.

В 1958 г. Московская патриархия извещает Кипрскую архиепископию о том, что не видит препятствий для своего учас-

тия в международном экуменическом движении [11], приглашая ее присоединиться к таковому в качестве равноправного союзника Москвы, о чем, в частности, свидетельствует подпись московского первоиерарха, адресованная архиепископу Макариосу: «Ваш сослужитель во Христе» [11] (интересно, что московский первоиерарх носил титул патриарха, а его кипрский «коллега» архиепископа и располагался в христианской властной иерархии на несколько ступеней ниже).

Пользуясь экуменическим движением, РПЦ собирает группу союзников в православном мире, применяя в т. ч. и методы материального стимулирования греческих иерархов, что было в духе русской политики на христианском Востоке еще в допетровский период [10]. Вообще, в рамках церковной дипломатии существенное значение (на наш взгляд, куда большее, чем в дипломатии светской) играли и играют символические шаги. И Русская церковь здесь вновь оказалась на высоте в понимании дипломатических задач коммунистического государства.

В 1961 г. в Праге – столице одного из официально атеистических государств Восточного блока – был запланирован миротворческий конгресс религиозных организаций. При этом необходимо отметить, что в рамках экуменического движения обсуждались не только непосредственно конфессиональные проблемы. Самим экуменистам относительно рано стала очевидна если не бесперспективность идеи глобального конфессионального объединения, то, во всяком случае, тот факт, что ее реализация относится к весьма отдаленному будущему. Поэтому на первый план в экуменическом движении стали выходить иные вопросы: борьба за мир, экология, права человека и освобождение наций. Сам факт проведения такого рода мероприятия на территории коммунистической Чехословакии должен был продемонстрировать миру наличие религиозной свободы в странах «советского блока» и при этом не оказать существенного влияния на рост религиозных настроений в самом СССР.

С позиций же «символической дипломатии» весьма характерным является то, что Московская патриархия приглашает архиепископа Макариоса с кипрской деле-

гацией прибыть в Прагу через Москву. Подобный шаг был призван убедить мировое сообщество в том, что островная церковь действует в союзе с РПЦ. Хотя путь представителей Кипра в Чехословакию логично было бы проложить через Афины и Стамбул – центры греческого церковного мира.

Таким образом, данный «символический план» Москвы отличался известной степенью амбициозности, т. к. не только она, но и Фанар, и Элладская архиепископия были чувствительны к подобного рода шагам. Вместе с тем очевидно, что ни те, ни другие не могли оказать Кипру сопоставимой с московской финансовой поддержки, на которую содержится достаточно прозрачный намек в послании на остров, отправленном из московской патриархии. Кипр принял предложение Москвы, продемонстрировав укрепление взаимных церковных связей. Итогом среди прочего стало и резкое изменение тона кипрско-московской церковной переписки в 1960-е гг. по сравнению с более ранним периодом [8–10]. «Братски сообщаю», «Возлюбленный о Господе Брат» – так обращается Патриарх Московский к кипрскому «коллеге», что контрастирует с его же более ранней перепиской, наполненной официальной титулатурой в византийской средневековой традиции.

В контексте кипрско-московского церковного сближения крупным успехом для СССР стал приход к политической власти на острове все того же архиепископа Макариоса в 1960 г. Вновь, как и в лучшие времена Восточной (Византийской) империи, происходит возрождение идеи «единства власти царя и патриарха» [4]. Совмещение Макариосом двух постов позволяло надеяться на то, что средиземноморская республика станет для Советского Союза «второй» Финляндией – дружественной страной капиталистической системы, с которой существуют «особые» отношения.

Тем не менее атеистический характер государственного режима СССР не позволил обеим сторонам в полной мере получить политические дивиденды от кипрско-советского сближения. В исследуемый период (60-е гг. XX в.) мы не находим свидетельств существенного укрепления экономического, политического и культурного взаимодействия двух стран. Более того, рождение «средиземноморской Финлян-

дии», да еще и во главе с «церковником», было бы с недоумением встречено советским обществом и могло запустить процессы религиозного возрождения на территории Советского Союза. С другой стороны, союз «христианнейшего президента» – архиепископа Макариоса – с атеистическим режимом также не способствовал бы укреплению его легитимности как главы государства и церковного лидера в греческом культурном мире.

Важным представляется другое: многовекторная политика церковного Кипра позволяла Москве укреплять свой глобаль-

ный имидж в качестве «оплота социалистической демократии», постепенно отходя от сталинского милитарного наследия. Церковная власть острова благосклонно ответила на попытки сближения со стороны РПЦ, за которой стояли советское правительство и коммунистическая партия. Русская церковь внесла свой вклад в формирование положительного имиджа СССР в мире, хотя важно отметить, что это ни в коей мере не отразилось благоприятным образом на векторах внутрисоветской религиозной политики в исследуемый период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алонцева, Д. В. С. Н. Булгаков о правовом положении русской православной церкви / Д. В. Алонцева // Аграр. и зем. право. – 2016. – № 1 (133). – С. 39–41.
2. Кьеца, Дж. Этим миром правят 9 человек [Электронный ресурс] / Дж. Кьеца. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/02/21/821655.html>. – Дата доступа: 11.03.20.
3. Луначарский, А. В. Христианство или коммунизм. Диспут А. В. Луначарского с митрополитом А. Введенским / А. В. Луначарский. – М., 1926. – 77 с.
4. Новиков, О. А. Концепция взаимоотношений Церкви и государства (Византийская модель) : монография / О. А. Новиков. – Воронеж : Науч. кн., 2009. – 159 с.
5. Переписка с Восточными патриархами // Государственный архив Республики Крым. – Ф. 540. Оп. 1. Л. 100–107.
6. Судо, Ю. В. Теология освобождения: социально-философское исследование : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ю. В. Судо. – Кемерово, 2005. – 24 с.
7. Шишкин, А. А. Обновленческий раскол в русской православной церкви : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. А. Шишкин. – Саратов : СГУ, 1973. – 44 с.
8. Письмо патриарха Московского Алексия I к архиепископу Кипрскому Макарию от 23 ноября 1960 г. // Архив Кипрской архиепископии (АКА). – Л. СТ 105.
9. Письмо патриарха Московского Алексия I к архиепископу Кипрскому Макарию от 25 ноября 1960 г. // АКА. – Л. СТ 108.
10. Письмо патриарха Московского Алексия I к архиепископу Кипрскому Макарию от 9 мая 1961 г. // АКА. – Л. СТ 119.
11. Письмо патриарха Московского Алексия I к архиепископу Кипрскому Макарию от 5 октября 1961 г. // АКА. – Л. СТ 116–117.
12. Письмо патриарха Московского Алексия I к архиепископу Кипрскому Макарию от 4 января 1966 г. // АКА. – Л. СТ 208–211.
13. Письмо С. Романовского (Комитет молодежных организаций СССР) к архиепископу Кипрскому Макарию от 19 марта 1958 г. // АКА. – Л. СТ 76.
14. Alexandris, A. The Constantinopolitan Greek Factor During the Greco-Turkish Confrontation of 1919–1922 / A. Alexandris // Byzantine & Modern Greek Studies. – 1983. – № 8. – P. 145–146.
15. Alexandris, A. The Greek Minority of Istanbul and Greek-Turkish Relations 1918–1974 / A. Alexandris. – Athens, 1983. – P. 55–56.

REFERENCES

1. Alonceva, D. V. S. N. Bulgakov o pravovom polozhenii russkoj pravoslavnoj cerkvi / D. V. Alonceva // Agrar. i ziem. pravo. – 2016. – № 1 (133). – S. 39–41.
2. Keza, Dzh. Etim mirom pravyyat 9 chelovek [Elektronnyj riesurs] / Dzh. Keza. – Rezhim dostupa: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/02/21/821655.html>. – Data dostupa: 11.03.20.

3. Lunacharskij, A. V. Hristianstvo ili kommunizm. Disput A. V. Lunacharskogo s mitropolitom A. Vviedienskim / A. V. Lunacharskij. – M., 1926. – 77 s.
4. Novikov, O. A. Koncepcija vzaimootnoshenij Cerkvi i gosudarstva (Vizantijskaja model') : monografiya / O. A. Novikov. – Voronezh : Nauch. kn., 2009. – 159 s.
5. Pieriepiska s Vostochnymi patriarchami // Gosudarstviennyj arhiv Riespubliki Krym. – F. 540. Op. 1. L. 100–107.
6. Sudo, Yu. V. Teologiya osvobozhdeniya: social'no-filosofskoe issledovanie : avtorief. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11 / Yu. V. Sudo. – Kiemierovo, 2005. – 24 s.
7. Shishkin, A. A. Obnovliencheskij raskol v russkoj pravoslavnoj cerkvi : avtorief. dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.02 / A. A. Shishkin. – Saratov : SGU, 1973. – 44 s.
8. Pis'mo patriarha Moskovskogo Alieksija I k arhipiskopu Kiprskomu Makariju ot 23 nojabria 1960 g. // Arhiv Kiprskoj arhipiskopii (AKA). – L. ST 105.
9. Pis'mo patriarha Moskovskogo Alieksiya I k arhipiskopu Kiprskomu Makariju ot 25 nojabria 1960 g. // AKA. – L. ST 108.
10. Pis'mo patriarha Moskovskogo Alieksija I k arhipiskopu Kiprskomu Makariju ot 9 maja 1961 g. // AKA. – L. ST 119.
11. Pis'mo patriarha Moskovskogo Alieksija I k arhipiskopu Kiprskomu Makariju ot 5 oktjabria 1961 g. // AKA. – L. ST 116–117.
12. Pis'mo patriarha Moskovskogo Alieksija I k arhipiskopu Kiprskomu Makariju ot 4 janvaria 1966 g. // AKA. – L. ST 208–211.
13. Pis'mo S. Romanovskogo (Komitet molodezhnyh organizacij SSSR) k arhipiskopu Kiprskomu Makariju ot 19 marta 1958 g. // AKA. – L. ST 76.
14. Alexandris, A. The Constantinopolitan Greek Factor During the Greco-Turkish Confrontation of 1919–1922 / A. Alexandris // Byzantine & Modern Greek Studies. – 1983. – № 8. – P. 145–146.
15. Alexandris, A. The Greek Minority of Istanbul and Greek-Turkish Relations 1918–1974 / A. Alexandris. – Athens, 1983. – P. 55–56.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.12.2020